

Лингвокультурологические аспекты русского синтаксиса XX века и феномен словообразовательной игры современных СМИ России

(в связи с выходом монографий Е. А. Покровской и С. В. Ильясовой)

АЛЕКСАНДР Д. ДУЛИЧЕНКО

A. D. DULIČENKO, Tartu, Näituse 2, EE-50090

E-mail: aleksd@ut.ee

Abstract: The monographs of J. A. Pokrovskaya “Russian Syntax in the 20th Century: Linguaculturological Analysis” (2001) and S. V. Ilyasova “Derivational Game as a Phenomenon of the Modern Mass-media” (2002) were published at Rostov University. In the first book are given linguaculturological periods of the Russian syntax in the 20th century; in the second one are considered the different aspects of the derivational game in the Russian mass-media.

Keywords: syntax, Russian syntax of the 20th century, linguaculturological analysis and periodization; derivatology, derivational game in mass-media, aspects of the problem

В 2001–2002 гг. в издательстве Ростовского университета вышли две монографии по русистике: одна из них касается синтаксиса, другая — словообразования. По существу обе книги представляют собой тексты докторских диссертаций, защищенных соответственно в мае 2001 и в мае 2002 гг. Автор настоящей статьи писал отзыв на автореферат первой диссертации и был одним из официальных оппонентов второй диссертации. Нужно сказать, что обе диссертации были успешно защищены. Сам факт появления этих работ, как и вскоре защищенной в этом же университете еще одной докторской диссертации Л. Б. Савенковой по русской паремиологии (см. ее монографию и автореферат диссертации: Савенкова 2002а; 2002б) говорит как об активизации исследований по русистике в Ростовском университете в целом, так и о стремлении сотрудников этого университета обращаться к свежему языковому материалу и рассматривать его в широком лингвокультурологическом контексте, а это открывает хорошую перспективу как для самих авторов указанных работ, так и для их учеников.

I

Докторская диссертация (и монография) Елены Александровны Покровской (2001а; автореферат 2001б) называется «Русский синтаксис в XX веке: лингвокультурологический анализ». Она написана в русле

сравнительно нового подхода, обозначенного как лингвокультурологический. В известной мере предтечей этого комплексного подхода можно, вероятно, считать традиционное лингвистико-литературоведческое изучение языка художественных произведений. Однако теперь это делается иначе — последовательно прослеживается корреляция между очерченной небольшими временными рамками культурной (в данном случае — литературно-художественной) парадигмой и соответствующими ей языковыми (конкретно — синтаксическими) средствами. Необходимо сразу же сказать, что замысел достаточно смел и во многих отношениях нов, а само изложение основных положений труда читается с большим интересом и вызывает массу размышлений.

Автор работы поставила перед собой весьма серьезную задачу: на протяжении большого исторического отрезка (всего XX в.!) проследить связь ненормативных синтаксических новаций с соответствующими авангардистскими течениями в русской художественной литературе (resp. прозе), при этом последнее справедливо относится к антицивилизационистской культурной парадигме, в то время как нормативный синтаксис культивируют прозаики, работающие в традиционном (и связанном с классикой) русле. На этом противопоставлении автор монографии разрабатывает новую для нашей науки четырехкомпонентную классификацию лингвокультурологического процесса, состоящего из последовательно сменяющихся друг друга парадигм.

Книга состоит из двух разделов и шести глав. В первом ее разделе рассматриваются «Теоретические предпосылки лингвокультурологического анализа русского синтаксиса» (гл. 1, с. 7–70) и «Основные теоретические положения лингвокультурологического анализа развития русского синтаксиса» (гл. 2, с. 70–102). Автор начинает с обзора работ в отечественной русистике, посвященных проблемам развития синтаксиса XX в. Она выделяет здесь три основных направления: 1) собственно лингвистическое (т. е. собственно языковое, внутриязыковой процесс), 2) социолингвистическое («язык ↔ общество») и, наконец, 3) язык художественной литературы (с. 29–30). К этому добавляется четвертое направление, обозначаемое как лингвокультурологическое, которому, по автору, предстоит большое будущее. Автор уверена, что лингвистика все больше и активнее обращается к «общекультурным процессам», что позволяет «вести анализ языковых изменений в более широком культурном контексте» (с. 31). При этом Е. А. Покровской важно увидеть параллелизм языкового и этноязыкового, языка и искусства (обзорные подглавы «Этнолингвистика о языке как тезаурусе культуры народа», «Этнолингвистика о синтаксисе русского языка как тезаурусе культуры народа», «Современная философия об общих процессах в культуре XX века», «Современное искусствознание об общекультурных парадигмах XX века»). Во второй главе автор определяет лингвокультурологию как «дисциплину, развивающуюся на стыке языкознания, культурологии, искусствознания и литературоведения» и

изучающую «комплекс проблем, связанных с языком и культурой: этнолингвистические проблемы языка как тезауруса культуры народа; проблема стилистики художественной речи и экспрессивной, где язык предстает материалом одного из видов культуры — литературы; лингвострановедческие проблемы культуроспецифичных для народа речевых стратегий и их языкового выражения; психолингвистические проблемы специфики вербального поведения в различных национальных культурах» (с. 99). Сам «лингвокультурологический анализ потребовал разработки и применения особого, лингвокультурологического, метода, состоящего в установлении параллелизма, однонаправленности механизмов экспрессии нового искусства XX века и нового, актуализирующего типа художественной прозы» (с. 76). Автор убеждена, что развитие языка переживает те же циклы, что и культура, при этом и то, и другое тесно взаимосвязано. Отталкиваясь от этого, Е. А. Покровская предлагает «лингвокультурологическую периодизацию развития синтаксиса русского языка в XX веке» (с. 86–98). В первой четверти века выдвигается антицивилизационистская парадигма, называемая автором II парадигмой (авангард с преднамеренными нарушениями не только в области синтаксиса), с 30-х годов и вплоть до 50-х утверждается антропоцентрическая цивилизационистская парадигма, демонстрирующая нормативный подход к синтаксису; в 60-е – начале 80-х годов II парадигма оживает и, собственно, продолжается во второй половине 80-х – в 90-е годы. Синтаксические новации, культивировавшиеся во II парадигме, автор рассматривает как показатели развития русского синтаксиса XX в. Так, первая парадигма (антропоцентрический цивилизационизм) имеет прямую преемственность с традицией, говорящей о соответствии реальности, ценности человека, важности морали и духовности и т. д., а в языке стремящейся к логическим основам в выражении мысли, к максимальному вниманию к реализации коммуникативной функции и под.; нормам морали в литературе этого направления соответствует, по автору, «языковая нормированность». Действует эта парадигма до конца 20-х годов. В ее хронологических рамках формируется альтернативная (вторая) парадигма, которая обозначается как антицивилизационистская (искусство авангарда). В области синтаксиса здесь характерны неполные предложения, различные вставочные конструкции, бесконечные повторы, неграмматическое обособление членов предложений (второстепенных) и др., т. е. ослабление и даже распадение синтаксических связей, что соответствует нарушению пропорций, естественных связей, времени и т. д. в авангардистском искусстве. В качестве примера автор приводит отрывок из прозы М. Цветаевой:

Что обратное Наталье Гончаровой — той? Наталья Гончарова — эта. Ибо обратное красавице не чудовище, как в первую секунду может показаться, а — сущность, личность, печать. Ведь если и красавица — не красавица, красавица — только красавица («Наталья Гончарова»).

Как справедливо отмечается, в отрывке разрушена классическая синтаксическая иерархия предложения, так как нет здесь семантически и структурно обязательных членов предложения, введены многочисленные вставные конструкции, грамматически не связанные с предложением конструкции, преднамеренно нарушается падежное управление — одним словом, синтаксис ослаблен, он преднамеренно затемняется (с. 88–89). Некоторые из этих синтаксических новаций остаются достоянием идиостиля, а некоторые вышли за рамки художественной литературы — показательной в этом отношении является парцелляция, которая, по автору, сформировалась в рамках авангарда (Цветаева, Маяковский, Олеша и др.), затем перешагнула в художественную литературу вообще (60–70-е годы), а позднее вошла в публицистический, научный и научно-популярный жанры. Этот процесс автор монографии определяет как первый этап развития русского синтаксиса XX в. Второй этап, охватывающий конец 20-х – 50-е годы, характеризует возвращение к I парадигме культуры (художественная литература), что связывается с консерватизмом тогдашнего социального режима с его установкой на традиционализм. В 60-е годы, когда формируется третий этап, наблюдается отход от жестких регламентаций и нормы как в искусстве (в творчестве т. н. шестидесятников и частично также и «деревенщиков»), так и в языке. Наконец, четвертый этап (80–90-е годы) демонстрирует возвращение ко II парадигме в искусстве (литературе), что проявилось не только в нарушении жанровых границ, в моде на бессистемность и т. д., но и в расшатывании языковых норм за счет усиления использования вариантности форм, введения разговорно-просторечных элементов и под. (с. 94 и далее). Анализ синтаксических новаций русского языка в связи с особенностями культурных парадигм, под которыми понимаются течения в литературе, наблюдавшиеся в XX в., и посвящен весь второй раздел книги. Этот раздел состоит из четырех глав, каждая из которых обращена к соответствующему «этапу развития синтаксиса русского языка».

«Первый этап развития синтаксиса русского языка» (гл. 3, с. 103–166) характеризуется материалом авангардистской прозы. Е. А. Покровская пытается «доказать, что синтаксические новации реализуют общие художественные принципы искусства II парадигмы начала XX века» (с. 105). Она выделяет три принципа моделирования, которые нашли воплощение в синтаксисе: поток сознания, антитрадиционализм и отказ от рациональности. Всё это находит свое выражение в модернистском дискурсе, характеризующемся фрагментарностью, расчлененностью, сжатостью, затемненностью смысла, в нарушении естественных пропорций и иерархии и т. д. (с. 112–113). Синтаксическими коррелятами этого выступают:

1) синтаксическая неполнота:

Тополя не снесли. Потом, может быть. (Цветаева, «Мой Пушкин»);

2) парцелляция, отмечаемая еще в литературе XIX в., ср. пример т. н. дистантной парцелляции у Цветаевой:

Говорит о союзе всех поэтов мира, о нелюбви к слову Интернационал и о замене его «всенародным». «Я никогда не был поэтом рабочих, — не пришлось, — всегда вводили какие-то другие пути. Но может быть, это еще будет, ибо поэт — больше всего, завтрашний день»... О несправедливости накрытого стола жизни для одних и объедков для других. Просто, человечески (с. 137) —

здесь между базовой частью и парцеллированием располагаются несколько предложений прямой речи и т. д.;

3) неграмматическое обособление второстепенных членов предложения типа (пример из прозы Цветаевой):

Орфея в Аид, на свидание с любимой, привела его тоска: та, что всегда ходит — своими путями. наших богов, под Рождество или под Пасху, тряпкой обмахивали. Помню в этот первый раз — где-то сбоку — площадку, которая затем пропала —

упор делается на обособление различных обстоятельств;

4) повторы (разумеется, речь идет только об активизации этого приема в данной парадигме), ср. пример из поэзии Пастернака:

*Тот ветер повсюду. Он дома,
В деревьях, в деревне, в дожде,
в поэзии третьего тома,
В «Двенадцати», в смерти — везде;*

5) вставные конструкции:

Главное: Бальмонт, Вячеслав и Сологуб. И Инамэ. (Описала плохо, торопилась). (Цветаева, «Бальмонту»);

6) изменения в передаче чужой речи и диалога, например, в стремлении размыть границы между прямой и косвенной частями, ср.:

И после мучительного думанья внезапное озарение: а он для нас такой большой, что она его просто не видит. Она думает — дом, или — гром... Он думает — просто блоха (Цветаева, «Мой Пушкин»);

7) активизация «слабых», т. е. спонтанных, неподготовленных, конструкций разговорной речи, ср.:

Смерть Пушкина, которую я, в иные часы, особенно люблю его, охотно ее вижу в прелестном облике Гончаровой, — Гончаровой прощания, например, поящей с ложечки, чем в хохочущей образине Дантеса, — смерть Пушкина вернулась к месту своего исхождения: на первом ткацком станке Абрама Гончара ткалась смерть Пушкина (Цветаева, «Наталья Гончарова»).

«Второй этап» (гл. 4, с. 167–197) характеризуется противопоставленностью II парадигме культуры и соответственно ее синтаксису, который определяется иерархической в противоположность т. н. актуализирующему (здесь автор использует термин Н. Д. Арутюновой). Первый правильно организован, т. е. он нормирован, здесь совпадает

грамматическое и актуальное членение и т. д., второй нарушает иерархию, «правильность», разрывает синтаксическое целое и под. (с. 167). «Второй этап» испытал давление идеологии, выразившейся в культивировании т. н. социалистического реализма, в постоянных призывах к борьбе за чистоту и нормализацию русского языка. Главная мысль, которую аргументирует автор монографии, заключается в том, что для «второго этапа» характерно превалирование изобразительных синтаксических средств над выразительными в языке художественной прозы I парадигмы (с. 183 и далее). Опираясь на работы различных авторов, исследовательница под *изобразительностью* понимает четкое синтаксическое выражение содержания, в то время как *выразительность* — это прежде всего способность особенностями речи привлекать внимание читателя (с. 184). В качестве синтаксических изобразительных средств выделяются предложения с глагольным строем (важная роль здесь отводится видо-временным соотношениям). Так, у М. Пришвина «движение передается классическим глагольным способом», глаголы (а также наречия) вытесняют существительные и прилагательные, настоящее историческое чередуется с прошедшим, ср.:

Ручей выбежал из глухого леса на поляну и в открытых теплых лучах солнца разлился широким плесом. Тут вышел из воды первый желтый цветок, и, как соты, лежала икра лягушек, такая спелая, что через прозрачные ячейки просвечивали черные головастики. Тут же под самой водой носились во множестве голубоватые мушки величиной почти в блоху и тут же падали в воду, откуда-то вылетали и падали, и в этом, казалось, и была их короткая жизнь. Блестящий, как медный, завертелся на тихой воде жучок водяной, и наездник скакал во все стороны и не шевелил даже воду (...) (Пришвин, «Лесной ручей»).

На материале текстов А. Серафимовича, Л. Леонова, М. Шолохова и др. рассматриваются ряды определений, связанных сочинительной связью, ряды других главных и второстепенных членов, словопорядок. Разумеется, и в литературе I парадигмы встречаются факты выразительности, среди которых конвергенция, сцепление; характерный для литературы II парадигмы способ выразительности в виде «факта обманутого ожидания» здесь не используется.

«Третий этап» (гл. 5, с. 197–345), как было уже отмечено ранее, демонстрирует возвращение II парадигмы культуры (литературы) — разумеется, при одновременном функционировании I парадигмы. Как пишет Е. А. Покровская, возвращается эстетика дисгармонии, поток сознания и разговорность — все эти характеризующие II парадигму моменты привязывают к себе и определенные синтаксические структуры, например, для первой характерны структуры, создающие расчлененность, разорванность, что нарушает нормы предложений и связей (в частности, в парцелляции, грамматической неполноте, во вставных конструкциях и под.) (с. 198). Подробно рассматриваются, но теперь уже на материале прозы 60–80-х годов, неграмматическое обособление и конструкции с неполнотой, парцелляция (с. 204–269); к этому добав-

ляется вопрос о т. н. сегментации, известной и ранее конструкции экспрессивного синтаксиса, когда в одном высказывании создаются два коммуникативных центра, ср. конструкцию с именительным темой у А. С. Пушкина:

Москва! Как много в этом звуке / Для сердца русского слилось <...> («Евгений Онегин»).

Автор рассматривает и другие виды сегментации, связанные с оговорками, поисками нужного слова и под. Далее анализируются «слабые» синтаксические конструкции разговорной речи в тексте повествователя. Отмечается, что в синтаксисе художественной прозы рассматриваемого периода достаточно сильна тенденция к расчленению, но в известной мере ей противостоит тенденция к слиянию (с. 291). В чем это конкретно проявляется? Прежде всего в использовании бессоюзной связи вместо союзной, но также и в замене подчинительных связей сочинительными, ср. у В. Шукшина:

Чудик уважал городских людей. Не всех, правда: хулиганов и продавцов не уважал. Побаивался («Чудик»).

Далее следуют случаи замены более сильных связей более слабыми (например, вместо согласования используется примыкание), переплетение синтаксических средств, характерных для повествователя и для персонажа и т. д. Много внимания уделяет Е. А. Покровская конструкциям с чужой речью (с. 305–345), в которых проявляется факт синтаксического слияния. Так, распространенным оказывается отказ от традиционных нормативных пунктуационно-графических способов оформления прямой речи и вообще ее ввода, совмещение в одной структуре прямой и косвенной речи (ср., например, у В. Шукшина: *А кругом говорили, что «ах, какая красота!»*, «Чудик»), в т. н. интертекстуальных вкраплениях (когда используются цитаты и реминисценции, отсылающие к другим текстам); подробно анализируются различные типы ремарок.

Наконец, «четвертый этап развития русского синтаксиса XX века» (гл. 6, с. 346–389) иллюстрируется материалом из текстов многих «кричащих» сочинителей т. н. постмодернизма вроде обоих Ерофеевых, Т. Толстой, Евг. Попова и под. Отправной точкой этого течения считается демифологизация культуры, а в качестве элементов их поэтики выступает интертекстуальность, игра, диалогизм, реализуемый также с помощью особо организованного синтаксиса. Е. А. Покровская видит здесь преобладание «тенденции к синтаксическому слиянию» над тенденцией к «синтаксическому расчленению» (что было характерно и для предыдущего этапа). Слияние видится в очень крупных по размерам конструкциях (в т. н. «усложненных сложных предложениях», с. 352), когда объединяются компоненты больше на ассоциативной основе, чем грамматической, при этом семантически такой синтаксис заполнен сниженной разговорно-просторечной лексикой. Что касается

второй тенденции, то в представляющих ее конструкциях «выразительность сильно стерлась» (с. 363–364). При этом расчленение наблюдается нередко рядом с приемом слияния. Автор монографии обращает внимание на новые случаи расчленения, когда единичное предложение может разъединяться абзацами, графически (вместо «маленьких» букв — «большие») и т. д. Интертекстуальность требует нетрадиционного использования цитат, она связана как с диалогизмом, так и с игрой, что позволяет также говорить некоторым исследователям о наличии «игровой стилистики».

К монографии приложена «Литература» (названная почему-то «Библиографией», с. 397–429), список «Источников» (с. 430–432). К сожалению, в «Литературе» отсутствуют многие монографии и сборники, посвященные общим вопросам лингвокультурологии.

Таким образом, в работе собраны и анализируются всевозможные проявления ненормативного синтаксиса — от грамматически несвязанных конструкций до затемняющих смысл бесконечных повторов и пр. Разумеется, автор исследования понимает, что речь идет о периферийных явлениях, из которых лишь отдельные могут, вероятно, претендовать на распространение и утверждение (как приводимый в работе случай с парцелляцией), в то время как большинство так и останется приметой идиостиля либо соответствующего модернистского течения. Таким образом, «динамическим рывкам» подвержен только фрагмент синтаксиса — как мы уже сказали, периферийного, который может, тем не менее, оказывать некоторое воздействие на синтаксическую систему вообще, однако не способен ощутимо ее изменить. Е. А. Покровская успешно решает весьма серьезную проблему современной русистики, в чем ей помогает не только собранный большой фактический двуязычный (лингво-культурологический) материал, но и умение выбрать необходимый научный подход, бросить общий взгляд на два растянутых на протяжении века хотя и взаимосвязанных, но все же отличающихся процесса — языковой (resp. синтаксический) и культурный (resp. литературно-художественный).

Если говорить о возможности иных толкований некоторых мест монографии, то их не так уж много и они не затрагивают существа проделанной работы. Это скорее всего особенности обозначения, в том числе и терминологического. Судя по всему, автор хорошо осознает, что речь идет по существу о нормативном (как фоне) и ненормативном (как объекте) синтаксисе, но избрала она для этого, вслед за некоторыми исследователями, иные обозначения — соответственно «иерархический (классический) синтаксис» и «актуализирующий синтаксис». Всё же слово *классический* подразумевает нечто более или менее константное, в то время как слово *нормативный* включает в себя признак динамики, изменения; «актуализирующим» же может быть, по-видимому, синтаксис вообще, реализованный в любом тексте. Основа «актуализирующего» синтаксиса, по нашему мнению, — это всё же устная

разговорная речь интеллектуалов, конструируемая ими специально для письменного использования, т. е. это синтаксическая игра, своего рода синтаксическое манипулирование. Последнее дает право предполагать, что истоки «актуализирующего» синтаксиса следует искать до XX в., в то время как письменная реализация его справедливо относится к XX в.

II

Докторская диссертация Светланы Васильевны Ильясовой озаглавлена «Словобразовательная игра как феномен современных СМИ». Так же называется и монография (Ильясова 2002а; автореферат 2002б). Так случилось, что начало и конец XX в. оказались роковыми в судьбе страны, ядром которой была Россия. Революция 1917 г. привела к созданию СССР, а т. н. «перестройка» середины 80-х – начала 90-х годов развалила эту страну. Социальная встряска как тогда, так и теперь самым ощутимым образом отразилась на всех сторонах жизни общества, в том числе и на судьбе русского языка. Социальная раскованность первых послереволюционных лет всколыхнула и язык, привела его к состоянию, которое иногда называют экспрессивизацией; свидетелями подобного процесса и похожей лингвосоциальной корреляции оказались и мы в конце XX в. Размах языковой раскованности таков, что его можно назвать своеобразной революцией, а это значит, что протекающие в русском языке процессы носят достаточно бурный, стремительный, а нередко и шокирующий характер. Разумеется, эти процессы сразу же были отмечены специалистами: вслед за отдельными статьями стали появляться первые монографии, авторы которых пытались осмыслить эти процессы и предугадать дальнейшее их развитие. Уже к 1995 г. были опубликованы ряд монографий как в России, так и за ее пределами. Перестроечные и постперестроечные события, отраженные в языке, еще долго будут притягательными и для последующих поколений лингвистов.

Рецензируемая книга находится в русле этих исследований и касается важной как в собственно лингвистическом, так и в социокультурном и даже идеологическом плане проблемы, получившей в литературе последних лет название *словобразовательной игры* (СИ), которой занимаются не только простые носители языка, но более всего и весьма охотно современные СМИ [средства массовой информации]. Это и было взято в основу работы: лингвистические проблемы СИ в ее отношении к «разыгрывателям» — современным СМИ России 90-х годов XX в. Сама работа производит впечатление добротного проведенного анализа, последовательного, систематического и, что не менее важно, с пристальным вниманием к каждому лексическому «участнику» СИ — таковых, т. е. анализируемых «участников»-единиц, оказывается более 2 тысяч. Достаточно логична структура монографии. Сначала рассматриваются теоретические аспекты феномена т. н. языковой

игры (ЯИ) и СИы в частности — как они видятся в отечественной и зарубежной литературе (гл. 1, с. 13–79). Здесь же подробно и в то же время критически излагаются взгляды различных ученых на понятие нормы литературного языка. Автор хорошо улавливает наблюдаемое в последние годы изменение в подходах к норме и солидаризируется с утверждениями, которые звучат как афоризмы конца столетия: норма перестает пониматься как запрет, норма понимается как выбор и под. (с. 16 и далее). Поскольку объектом исследования являются, так сказать, свежие слова, то вполне логичным представляется детальный анализ проблем изучения неологизмов, которые выступают в виде *окказионализмов, потенциализмов* (или, как в книге, *потенционализмов*), *индивидуализмов*, или *индивидуально-авторских слов*, а также просто лексических *новообразований, инноваций* (с. 26–40). Вполне убедительны высказывания об изменении отношения среди специалистов к окказионализмам, однако автор предпочитает термины *инновации* и *новообразования*, хотя это не значит, что только ими он и пользуется на протяжении всей работы. Завершается глава размышлениями о т. н. *языке газеты* и указанием на особенности СИы на страницах этого жанра периодики. Таким образом, здесь конкретизируется: учитываются не все виды СМИ, а лишь газетно-журнальный.

Самая большая по объему вторая глава диссертации названа «Узуальные словообразовательные типы и модели как база словообразовательной игры» (с. 62–172). Здесь достаточно подробно рассматриваются новейшие лексические инновации, распределенные по частям речи. Как и следовало ожидать, материал лишний раз подтвердил мнение (в том числе и наше, отраженное в монографии «Русский язык конца XX столетия», Мюнхен, 1994) о неогенном лидерстве существительных по сравнению со всеми другими частями речи русского языка. При этом имеется в виду не только количественный фактор, но и разнообразие типов и способов, которыми созданы новообразования, ср.: *банкротцик, кобровец, противоположник, пирамидчица, губернаторша, велосипедизация, официантство, гайдаризм, быдлость, немцовщина, выборыада, передовуха, безбабье, забугорье* и под. Все они подробнейшим образом рассматриваются в работе. На показательном материале иллюстрируются и новообразования в области прилагательных и глаголов. Не согласны мы только с иногда используемым приемом видоизменения терминов: то *инновации-существительные* — то *существительные-инновации*, то *префиксально-суффиксальные инновации* (у существительных) — то *суффиксально-постфиксальные инновации* (у глаголов) — два последних вообще не могут быть; здесь просто пропущены названия соответствующих частей речи. Но так это в автореферате диссертации (с. 19, 24, 32), в тексте самой монографии этого отступления, к счастью, нет. Кстати, совсем недавно появился новый термин *антрополексема* «наименование человека» (не путать с термином *антропоним* «собственное имя человека»), который можно было бы в дальнейшем

использовать вместо, например, длинных и сильно варьирующих терминов типа *наименование лица, название людей, личные имена существительные, существительные со значением лица* и под. (с. 63 и далее) (см.: Дуличенко 2000). Инновации в сфере наречий достаточно скромны, а причастные инновации подаются автором списком (с. 166–167).

В третьей главе представлены «Окказиональные способы и приемы образования новых слов» (с. 173–205) — речь идет прежде всего о контаминациях различного типа (они представлены так же в частеречном распределении), затем способ по т. н. «конкретным образцам», т. н. обратное словообразование и экзотичный прием, названный «фокус-покус». Здесь материал рассматривается как с лингвистических, т. е. с собственно словообразовательных, позиций, так и со стороны мотивационной. А вот следующая глава («Повтор одноструктурных производных и корневой повтор», с. 206–255) более других связана с текстом, поскольку именно в тексте и реализуется повторение однокорневых и разнокорневых слов. Наконец, книгу завершает достаточно обширная глава «Игра с внутренней формой слова как разновидность словообразовательной игры» (с. 256–330). Чтение этой главы вводит нас в джунгли необычных языковых экспериментов, которые, как оказалось, важны для современных СМИ, ср. *преподает химию — химичит, значит* и под. Но это поиски внутренней формы слова. Они давно известны, хотя всегда новы и привлекательны, в том числе и в настоящей книге. А вот графическое выделение сегментов, которые, в свою очередь, читаются как отдельные слова, — это в общем-то редкое явление, до сих пор до конца не систематизированное так, как это сделала автор монографии. Разумеется, это не речевая игра, а зрительная, так сказать, «письменно-текстовая». Хотя это и периферия текстовых средств и СИИ в целом, тем не менее роль графической игры со словом в последние годы заметно возрастает, что убедительно и показано автором. В «Заключении» (с. 331–333) корректно приведены основные выводы исследования. Завершает работу «Библиография» (скорее — «Литература»), в которой отражено 387 названий.

Таким образом, тема выбрана актуальная; объем материала таков, что позволяет делать собственные теоретические выводы, новизна которых очевидна, а это весомый вклад в осмысление сложных процессов, происходящих ныне в русском языке.

Разумеется, при чтении работы возникают дискуссионные вопросы, т. е. такие, которые интерпретируются в нашей науке по-разному и которые, как правило, уживаются в научной литературе. Мы коснемся их даже при том, что автор в ряде случаев высказывает к ним свое отношение, т. е. заявляет о своей теоретической позиции. Есть и некоторые пожелания, которые могли бы быть приняты во внимание в последующих исследованиях автора. Самое, однако, важное то, что чтение книги подталкивает к размышлениям над целым рядом теоретических и практических вопросов, связанных с феноменом СИИ.

Автором была использована основная теоретическая литература, вышедшая в разные годы в СССР и в России. Список этой литературы достаточно обширен. Нам понятны трудности, с которыми сталкивается исследователь, живущий не в столицах, ибо только там, в столицах (по крайней мере, так, видимо, в современной России), оказываются доступными и зарубежные исследования. А их по русскому языку последнего десятилетия было издано немало. Приведем наиболее важнейшие из них: Ферм 1994; Дуличенко 1994; Pstyga 1994; Zybatow 1995; Koester-Thoma 1996; Ryazanova-Clarke, Wade 1999. Кроме того, регулярно публикуются соответствующие материалы и исследования в таких журналах, как *Zeitschrift für slavische Philologie*, *Zeitschrift für Slawistik*, *Die Welt der Slaven*, *Revue d'études slaves*, *Russistik/Русистика* и некоторых др. Желательно было бы в дальнейшем обратить внимание также и на эти работы и издания.

С. В. Ильясова использует термины *языковая игра* и *словообразовательная игра* — так это принято в литературе, на которую она опирается. В эту исследовательскую парадигму входят также *стилистическая игра*, *грамматическая игра* и под. Не собираясь ничего опровергать, хотели бы высказать следующее соображение: наверное, в современных СМИ проходит не только, а может, и не столько *игра*, сколько *борьба* — *лексико-словообразовательная, стилистическая, грамматическая*, разумеется, между стоящими за этим референтами. Ведь когда одна из московских газет пишет в заголовке «*Депутаты (Государственной Думы) хотят в дипломаты*» — это не просто фонетико-грамматическая игра с просторечно-диалектной формой глагола *хотеть*; это, как нам кажется, давление, это противостояние, насмешка и даже унижение. Если желтая газета со странным названием «Комсомольская правда» (как оказывается, «значимая в современном информационном пространстве, характеризующаяся массовым распространением и широкой читательской аудиторией!» Бедные мои соотечественники!) в одном и том же номере помещает заметки и статьи под такими заголовками, как:

Под каким градусом встречаем бой курантов? (О чем речь? О погоде!);

6 спутников свалились с орбиты;

Подружски выпрыгнули из окна, взявшись за руки;

Не лезь в пирамиду, мумией станешь!;

Оргазм крепчает год от года;

Группа «Криденс» запуталась в косичках «Бони М»;

Даешь Олега Меньшикова!

И подзаголовок: С кем бы вы хотели измять свои простыни? —

и т. д. и т. п., то разве это стилистическая игра?

Или еще пример — заметка «Несчастье» из «самых-самых читаемых» московских «Аргументов и фактов»:

«Решением коллегии Госкомитета РФ по строительству высота Остан-

кинской башни будет увеличена с 540 метров до 562. Таким образом, мы обгоним, наконец, телебашню в Торонто (553 м) и будем **плевать на всех** с самой высокой телебашни в мире!...

И т. д. Разве это игровой стиль! Нам кажется, что здесь нечто иное, что выходит далеко за пределы игры, — мы бы назвали это *нагло-издевательским стилем* над читателями и над теми людьми, о которых пишут эти и им подобные газеты. Свидетельствую: ни одна из русских газет т. н. ближнего зарубежья (где я волею судьбы ныне проживаю) не позволит себе такой беспредельности глумления над читателем... Если «одна из самых демократических в мире газет» «Известия» печатает статью под названием «Обыкновенный лукашизм» (пример из монографии) с явным намеком на ассоциацию с известным фильмом «Обыкновенный фашизм», то ведь это не игра, а *обыкновенное* (лучше: *необыкновенное!*) оскорбление не только руководителя соседней страны, но и тех 80–90 процентов ее жителей, избравших его. Создается впечатление, что мы живем во времени, когда «Тачка [СМИ] прокатывает всех», а точнее — прежде всего не угодных по тем или иным причинам. («Тачка прокатывает всех» — это журнал, издававшийся в первое пятилетие после революции 1917 г.; исследованием лексико-словообразовательных особенностей этого и других подобных изданий того времени занималась в конце 60-х – начале 70-х годов преподавательница Самаркандского университета Н. П. Агафонова, благодаря которой я знаю об этой «Тачке»). Кстати, переключка нынешних рассматриваемых процессов с таковыми первого послереволюционного пяти- и десятилетия весьма ощутима. Тогда тоже шла жестокая «война словами» и многие издания страдали «словесным невоздержанием». Сказанное в отношении *игры — борьбы* не ослабляет позиции автора, который, как и ряд других исследователей, несколько иначе смотрит на данное явление.

Что касается словообразовательного анализа, то он, по нашему мнению, проведен по всей работе достаточно корректно и убедительно. Замечания наши касаются лишь отдельных случаев. Например, говоря об «образованиях, мотивированных названиями лиц» (с. 96), автор приводит слова *бордизм, вампиризм, кобелизм* и некоторые др. Здесь нужно было бы четче различать следующее: если первое действительно «мотивировано названием лица» (*бард — бордизм*), то второе слово мотивировано мифологемой, а третье — одушевленным существительным, используемом в переносном, антропоморфном, значении. В словах типа *забугорье* все же суффиксальным вариантом будет *-j-*, а не *-uj-*. Форма сравнительной степени *поддубнистей* образована всё же от окказионального прилагательного *поддубнистый* (возможно, реально так и не употребленного), а это последнее, в свою очередь, от собственного имени *Поддубный*. В связи с формами сравнительной и превосходной степеней, а также с краткими формами прилагательных: они, вероятно, стоят на полпути между словообразованием и формо-

изменением. Может быть, следовало бы указывать имена собственные, послужившие производящей основой, — типа *кашпировать* (< *Кашпировский*), поскольку это не то же, что *вампирировать* (< *вампир* + *иррировать*). Для этого было бы, видимо, полезно в качестве приложения к монографии привести словник или даже словарь всех использованных словообразовательных единиц; в этом случае можно было бы дать простейшую информацию о лицах (и не только о лицах): десять лет назад Гайдар — «у всех на устах», а кто сейчас помнит о нем (разве что самые преданные и нажившиеся на его «реформах»)?! И т. д. В связи с разбором контаминационных структур, очень интересных и богатых по разнообразию, мы бы предложили чаще прибегать к моделированию, что дало бы возможность увидеть, как создается лексико-словообразовательная контаминация. Проиллюстрируем это парой примеров.

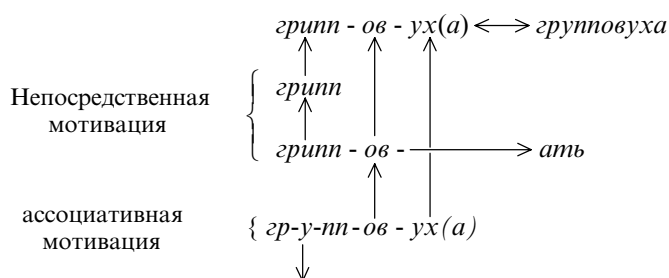
$$\begin{array}{l}
 \text{Соб} - \text{ч} - \text{а} - \text{к} \\
 \parallel \quad \parallel \downarrow \\
 \text{соб} - \emptyset - \text{а} - \text{ч} - \text{ье}
 \end{array}
 \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{Соб} - \text{ч} - \text{а} - \text{к} \\ \parallel \quad \parallel \downarrow \\ \text{соб} - \emptyset - \text{а} - \text{ч} - \text{ье} \end{array}} \right\} \text{соб-ч-а-ье} \rightarrow \text{собчачье} + \text{сердце} \rightarrow \text{собчачье сердце}$$

Собчак ↔ собчачье (сердце)

Такое моделирование дает возможность увидеть ход контаминации:

- 1) накладывание элементов друг на друга: *Соб-/соб-*, *-а/-а-*;
- 2) вставка («контаминационная эпентеза»): *-ч-*;
- 3) выкидка («контаминационная диереза») (?): *-к* или же
- 4) «контаминационная альтернатива» (?): *-к* → *-ч-*.

Или такой пример со словом *грипповуха*, которое, по мнению автора, мотивировано не глаголом *грипповать*, но существительным *грипп* + ассоциация с *групповуха*. Моделирование помогает увидеть взаимосвязь компонентов контаминации, ср.:

При этом подходе, таким образом, раскрывается, с одной стороны, лингвокреативный, с другой — психо-ассоциативный механизм контаминационного новообразования.

Говоря о продуктивности аффиксоида *-логия* и ссылаясь на соответствующую работу (с. 112–113), автор приводит, правда, лишь случаи со *скандология* (с гаплогогией, т. е. вместо *скандал-о-логия*), *ипорология*

и с «кричащим» *пенисология*. Содержание последнего касается экзотического «раздела науки» о мужском детородном органе и его влиянии на развитие человеческой цивилизации. Вероятно, этого газетного определения здесь недостаточно. В этом термине и понятии заложен еще и большой лингвокультурологический компонент, изучение которого могло бы проходить в русле т. н. *лингвистической пенисологии* или, как это было нами однажды высказано, в частности, в вступительной статье к первому тому «Большого словаря мата» (2001) А. Плущер-Сарно, — *лингвистической фаллологией* (см.: Дуличенко 2001, 46). Это имеет основания: первый том указанного словаря посвящен только одному слову — объекту предполагаемого лингвокультурологического направления и содержит громадный материал, представляющий собою соответствующий фрагмент миропонимания русского человека.

О типично «перестроенных» словах, зафиксированных автором диссертации, — *перестроечник* и *недостройка*, хотелось бы сказать, что первое было зафиксировано в конце 80-х – начале 90-х годов в нашей монографии «Русский язык конца XX столетия»; кроме этого слова, в ней отмечены и проанализированы также: *перестройщик*, *антиперестройщик*, *сверхперестройщик*, *ультраперестройщик*, *перестройщик-радикал*; *недостройку* мы тогда не зафиксировали, но у нас были отмечены с социальным значением *достройка*, *надстройка*, *пристройка*, *новостройка*, *антиперестройка*, *контрперестройка*, *полуперестройка*, *постперестройка*, *лжеперестройка*, *катастройка*, *горбостройка*, *порностройка* и др. Интересно было бы узнать, как квалифицирует автор такие новообразования, как, скажем, *Todayko* ↔ *Сегоднячко* (передача на московском телеканале ТНТ)? И как воспринимать канал *ВИД*, в написании которого последняя буква в латиническом виде?

В стилистическом и семантико-содержательном плане книга написана на высоком уровне. Отклонения редки, например: *приватизация семантируется* (что это?); *существительные с отвлеченным (собира-тельным) значением* — отвлеченное и собирательное не во всем совпадают. Что касается технических моментов, то, может быть, следовало бы почетче представить сокращения: на с. 356 «Принятые в работе сокращения» на самом деле оказываются сокращениями лексикографических изданий и при том представленные не в алфавитном порядке; в этой связи не обозначено, что такое встречающиеся в тексте работы *СИ*, *ТС-98*, *PPP*, *СЗ*. Может, в Ростове с *Изв. СКНЦ ВШ* всё ясно, но, например, для меня это — совершенная загадка.

Очевидно, что высказанные замечания носят частный характер, а некоторые наши размышления приведены с целью показать, что интереснейший материал книги допускает в некоторых случаях и иные подходы. И это важно для дальнейшего развития темы, ибо она многоаспектна, а СМИ каждый день приносят все новые и новые инновации, которые необходимо анализировать и тем самым извлекать из этого теоретический смысл. В рецензируемой монографии показано, какими

путями следует обрабатывать и осмыслять такой материал.

P.S. В 1873 г. в повести «Захудалый род» Н. С. Лесков писал:

...Русский язык был в таком загоне [в Санкт-Петербурге], что ей [бабушке], почти не с кем было на нем обращаться, кроме прислуги, а в институте даже горничная, которой княгиня сделала подарки за услуги княжне, прося у бабушки руку для поцелуя, сказала:

*— Позвольте, ваше сиятельство, вас в ручку **померсикать**.*

Бабушка не дала ей руки и осердилась.

Как это созвучно проблематике, которой посвящена настоящая монография! Учитывая, что некоторые исследователи, в том числе и автор монографии, отмечают «широкое распространение английского языка, ставшего по сути дела вторым национальным языком» России, позвольте в этом случае мне всех вас **посэнкьюкать** за внимание к моему тексту... (Патентую этим самым свое «право» на данный «неологизм»).

III

Завершая, хотели бы обратить внимание на некоторые моменты, характерные для обеих монографий. Может быть, следовало бы не только часто ссылаться на «признанные авторитеты» (но, разумеется, все же умеренно ссылаться!), а из некоторых малоизвестных авторов не делать «крупных ученых», хотя это не умаляет значимости их трудов. Далее. Несколько слов о цитировании и оформлении литературы. Цитирование должно быть строгим и до конца выдержанным, оно не допускает приблизительности указания на страницы и т. д. Такие отступления нами были отмечены. Необходимо также выдерживать единый принцип представления работы: статьи обязательно должны подаваться с указанием страниц «от и до»; что касается сборников и монографий, то в них либо указывается объем в страницах, либо нет (т. е. что-то одно; исключения из этого правила должны быть чем-то оправданы). Вообще библиографическое описание статьи, монографии или сборника должно быть строго унифицировано. И еще. Компьютерный набор, который обычно делают сами авторы, требует разграничения, например, черт (линий). Так, черточка (или дефис: -) используется только в двух случаях — при переносе слов и в сложно-составных словах; полутире (—) — при указании на страницы «от и до», например, с. 15–21, на указание годов, например, 1998–2002 (в обоих случаях без интервала между цифрами и полутире) и на пары слов, например, *земля – воздух, белый – черный* и под. (здесь интервал используется); тире (сдвоенные полутире: —) используется для синтаксических целей (при пропуске связок и других слов, в некоторых бессоюзных типах предложения, в диалоге и др.), а также в оформлении литературы (например, название отделяется от места издания и т. д.).

В целом еще раз хотели бы подчеркнуть, что монографии Е. А. По-

кровской и С. В. Ильясовой вносят немало существенного в осмысление синтаксических и словообразовательных новаций на протяжении XX в. и в конце его. Представляется, что русисты почерпнут из этих работ много полезного и свежего как в плане собранного и используемого здесь материала, так и из теоретических рассуждений их авторов.

Tartu–Göttingen, апрель–август 2002 г.

Литература

- Дуличенко 1994 — *А. Д. Дуличенко*. Русский язык конца XX столетия. (Slavistische Beiträge, 317). München 1994.
- Дуличенко 2001 — *А. Д. Дуличенко*. Язык и тело: А. Плуцер-Сарно. Большой словарь мата, 1. С.-Петербург 2001, 35–48.
- Дуличенко 2000 — *Л. В. Дуличенко*. Антрополексемы с негативным значением и их лексикографическое описание. АКД. С.-Петербург 2000.
- Ильясова 2002а — *С. В. Ильясова*. Словообразовательная игра как феномен современных СМИ. Отв. ред. Н. П. Колесников. Ростов-на-Дону 2002, 359 с.
- Ильясова 2002б — *С. В. Ильясова*. Словообразовательная игра как феномен современных СМИ. Специальность 10.02.01 — русский язык. АДД. Ростов-на-Дону 2002, 55 с.
- Покровская 2001а — *Е. А. Покровская*. Динамика русского синтаксиса в XX веке: лингвокультурологический анализ. Отв. ред. Л. А. Введенская. Ростов-на-Дону 2001, 435 с.
- Покровская 2001б — *Е. А. Покровская*. Динамика русского синтаксиса в XX веке: лингвокультурологический анализ. Специальность 10.02.01 — русский язык. АДД. Ростов-на-Дону 2001, 42 с.
- Савенкова 2002а — *Л. Б. Савенкова*. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Отв. ред. Е. А. Корнилов. Ростов-на-Дону 2002, 239 с.
- Савенкова 2002б — *Л. Б. Савенкова*. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Специальность 10.02.01 — русский язык. АДД. Ростов-на-Дону 2002, 46 с.
- Ферм 1994 — *Л. Ферм*. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala 1994.
- Pstyga 1994 — *A. PSTYGA*. Nowe słownictwo rosyjskie. Struktura formalna i semantyczna rzeczownika. Gdańsk 1994.
- Koester-Thoma 1996 — *S. KOESTER-THOMA*. Die Lexik der russischen Umgangssprache. Berlin 1996.
- Ryazanova-Clarke, Wade 1999 — *L. RYAZANOVA-CLARKE, T. WADE*. The Russian Language Today. London/New-York 1999.
- Zybatow 1995 — *L. ZYBATOW*. Russisch im Wandel. Die russische Sprache seit der Perestrojka. Wiesbaden 1995.